

Марина Эльденберт
Луна Верховного

«Литнет»

2022

Эльденберт М.

Луна Верховного / М. Эльденберт — «Литнет», 2022

Говорят, что встретить истинного в наше время невозможно, что это сказки для волчат. Но одна ночь переворачивают мою упорядоченную жизнь, случайная встреча дарит мне мою волчью пару. Только Рамон Перес отказывается признавать, что мы предназначены друг другу. Он холоден, суров, и заявляет, что от меня ему нужен только ребенок. Учитывая, что это мой единственный шанс стать матерью, я не собираюсь отдавать моего малыша. Правда, оказывается, что убеждение истинного не единственная моя проблема. ПЕРВАЯ КНИГА СЕРИИ НОВИНКА ПО МИРУ!

© Эльденберт М., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

Никогда не любила аэропорты.

Ноктон — особенно. Главная воздушная жила Крайтона, а заодно стыковочный центр самолетов со всех уголков планеты. Почти всегда толпы, множество звуков и запахов. Повсюду стекло и металл — настоящий кошмар для любого вервольфа, мы гораздо больше любим леса и проселочные дороги. Стоять всеми четырьмя лапами на земле, а не парить в воздухе. Но в моем случае самолетом быстрее.

Моя привычка быть пунктуальной сейчас играла против меня: я приехала за четыре часа до вылета и теперь ждала регистрацию на свой рейс. Поэтому периодически поглядывала на электронное табло, подмигивающее яркими линиями, сообщающее о прилетах и вылетах.

Вилемия.

Название этого города заставило мое сердце екнуть и забиться чаще. Потому что от Вилемии я хотела оказаться как можно дальше. На другом конце света! Можно сказать, туда я и летела, но прибывший самолет из Вилемии не давал покоя, не выходил из головы, будто дурной знак для неудачного начала новой жизни.

Спокойно, Венера! Ты же не веришь в приметы. К тому же, *он* в Вилемии, а ты скоро будешь Табаторе. Каких-то десять часов, и вас разделит половина мира.

Так я убеждала себя мысленно, но бессознательно все-таки подвинулась на своем месте, напряженно всматриваясь в поток людей и вервольфов, выплывающий к залу и утекающий к выходу и к лентам приема багажа. Всматриваясь и высматривая *его*.

Только когда от напряжения затекла шея, я мысленно себя пнула. Он летает частными самолетами.

О чем я вообще думаю? Точнее, каких только страшилок себе не представишь, когда хочешь спрятаться от внимания верховного старейшины вервольфов.

Я ему не нужна. Он сам так сказал. Он обо мне давно забыл. То, что я делаю, покидаю своих близких, свою стаю — это всего лишь страховка. Так я убеждала себя, пока не высветилось начало регистрации на рейс в Табатор.

Я подскочила, поправила плащ, ухватила за ручку чемодана и потянула его за собой. Стойка была рядом, а летящих бизнес-классом немного, поэтому я успела первой. Подала девушке в форме паспорт и выдохнула.

Все. Обратной дороги нет.

Так ведь?

Улыбка блондинки за стойкой слегка увяла, когда она открыла мой паспорт. Не скажу, что волчицы хорошо читают эмоции, но напряжение, страх мы чувствуем. Сотрудница аэропорта явно напряглась.

— Прима Экрот? — уточнила она.

— Да, — кивнула я. — Что-то не так?

— Одну секунду.

Не было никакой причины нервничать. Но я нервничала. Я начала нервничать с того самого дня, как узнала...

Девушка произносит тихо:

— Она здесь, — но я слышу. Не просто слышу, чувствую вервольфов, которые подходят сзади.

Первая мысль, что Доминик, мой альфа, узнал, что я убегаю, но эти мужчины мне не знакомы. К тому же, они не легорийцы, иностранцы — об этом говорит их внешность.

— Венера Экрот? — уточняет главный, высокий и бритоголовый волк.

— Если я скажу «нет», вы не станете меня задерживать? У меня скоро рейс.

— Я как раз здесь для того, чтобы вас задержать и доставить к моему боссу.

Я сжимаю ручку чемодана настолько сильно, что она трещит, но стараюсь держать лицо.

— А ваш босс...

— Верховный старейшина Рамон Перес.

Дыхание перехватывает, мне кажется, я ослышалась.

Мне хочется надеяться, что я ослышалась.

Но бритоголовый не шутит, его приятели тоже, а девушка за стойкой не станет звать охрану, если я закричу. У людей и вервольфов разные законы, люди не вмешиваются в наши, мы — в их.

— Пойдете сами или помочь? — спрашивает главный.

— Поможете с багажом? — улыбаюсь ему так мило, что сводит губы. Вервольф не теряется, кивает одному из своих подчиненных, и он забирает мой чемодан.

— Четыре мужчины на одну маленькую волчицу? Рамон решил, что я супергероиня?

Мне никто не отвечает. Мы быстро выходим из здания аэропорта. На улице дождь — нормальная погода для крайтонского межсезонья, но никто не заботится о зонтах. Большой черный автомобиль припаркован под козырьком, там, где в принципе парковаться нельзя, и эта вроде бы незначительная деталь только сильнее подчеркивает власть верховного.

Уже оказавшись внутри просторного салона, я открываю сумочку и достаю телефон, но устроившийся рядом бритоголовый легко перехватывает мою руку.

— Что вы себе позволяете?! Я имею право на звонок своему альфе!

Пусть даже Доминик не обрадуется моему побегу, он лучше, чем Рамон Перес. Он защитит меня.

— Рамон приказал — никаких звонков. Сначала встреча с ним.

Я дергаю рукой, освобождаясь от его хватки, демонстративно возвращаю смартфон на место и отворачиваюсь к окну. Капли дождя напоминают слезы, они бесконечно медитативно скатываются по стеклу, но они не способны утихомирить растущее внутри меня напряжение. Тем более что дорога до центра Крайтона совсем не бесконечна.

Я почти не удивлена, что Рамон снова выбрал отель Кингстон — это лучший отель в столице и в стране. Почти — потому что этот отель вполне мог напоминать ему обо мне, а он обещал меня не вспоминать. Поэтому причина того, что меня сопровождает этот конвой всего одна — Рамон каким-то невероятным образом узнал правду. Причину, по которой я хотела навсегда улететь в Табатор.

Но как? Откуда?

Я не говорила об этом ни альфе, ни даже своей лучшей подруге, об этом знали только двое. Кто из них меня выдал? А главное — зачем?

Последний этаж. Королевский люкс.

И как удар в солнечное сплетение.

Потому что я прекрасно помню эти двери, уводящие в большую гостиную. Помню полумрак, как судорожно мы избавлялись от сковывающей наши тела одежды, как целовались, будто в последний раз...

Я смагиваю это видение. Потому что полумрака нет. Волшебства ночи тоже.

Зато есть сидящий на диване мужчина.

Серого света за окном не хватает, настенные бра отбрасывают перекрестья лучей, будто нарисованная клетка, поэтому его лицо находится в тени. Но при моем появлении он подается вперед, припечатывая меня своей звериной аурой. Напоминая мне о том, что я пыталась забыть или списать на разыгравшуюся фантазию.

Смуглую кожу с легкой щетиной, экзотичные черты, непробиваемую мужественность. А еще на аромат. Аромат, от которого кружится голова.

Нас разделяет метров десять, а ощущение такое, что я чувствую его дыхание на своей коже. Его взгляд как прикосновение. Властная ласка, и одновременно острота зубов. Потому что я замечаю, как при взгляде на меня в глубокой тьме глаз вспыхивает ярость.

Это мужчина моих грез. То есть ночных кошмаров.

Мой истинный.

Глава 1

Месяцем ранее

— Тебе нужны отношения.

Я едва кофе не подавилась, когда услышала это от Чарли. Мы сидели за столиком в ресторане «Фавель» и завтракали. Я буквально шантажом затащила сюда лучшую подругу. Шарлин, или как все ее называли — Чарли, предпочитала есть либо на работе, в своем магазине, либо дома. В последнее время второй вариант, потому что была на последнем сроке беременности. Я видела, как ей скучно, а еще страшно, поэтому использовала любую возможность, чтобы развлечь ее.

Но я совершенно точно не представляла, что Чарли поднимет эту тему!

— Ты последний человек, которого я могла заподозрить в бесцеремонном вмешательстве в мою личную жизнь.

— А вервольф? — хмыкнула она.

— И вервольф тоже! Ты знаешь мое прошлое.

— Прошлое, Венера, это не настоящее и тем более не будущее. — Чарли отставила чашку с чаем, поправила выбившуюся из хвоста светлую прядь волос и поморщилась. — Прозвучало пафосно?

— Еще как.

Мы одновременно рассмеялись, и напряжение меня немного отпустило. Ничего не могу с собой поделать, тема отношений для меня сложная и запрещенная.

— Бесы! — выругалась Чарли. — Серьезные разговоры не мое. Я о том, что тебе нужно найти мужчину. Чтобы ушла эта твоя вечная грусть из взгляда.

— Как будто нельзя быть счастливой и одной, — вот теперь я искренне обиделась. За взгляд и за грусть. С тех пор, как у меня появилась такая подруга, мне казалось, что я заново оживаю. Самой яркой чертой характера Чарли была прямолинейность, она всегда говорила, что думает. Поэтому рядом с ней не нужно было притворяться или пытаться чему-то соответствовать. Второй особенностью Шарлин было желание заботиться о близких, и я входила в их число.

— Можно, — кивнула она. — Особенно, если у женщины пробивной и мерзкий характер, например, как у меня.

— Мерзкий? — снова рассмеялась я.

— Точно не сахар.

— Как только Доминик терпит?

— Не представляю. Я иногда сама себя не выношу. Особенно сейчас, — она погладила себя по животу. — Как затмение находит, и начинаю говорить и творить... всякое!

— Это любовь.

— Вот! — Чарли воинственно взмахивает ложечкой для десерта. Тема моей личной жизни кажется ей интересней яблочного пирога. — Тебе тоже нужно влюбиться. Ви, у тебя есть все, чтобы вскружить голову любому мужчине. Внешность. Мозги. И с характером твоим все в порядке, так что всякое творить не будешь.

— Это не так просто, как заказать столик в ресторане, — напоминаю я. — Не всем везет встретить такого, как Доминик. Некоторым достаются такие, как Дэнвер или...

Август.

Мой бывший — пример мужчины, после отношений с которым самооценка любой нормальной женщины опускается до уровня метро. В смысле, ниже уже некуда.

— К тому же, — не позволяю Чарли себя перебить, — я не смогу быть с вервольфом. После моего изгнания из стаи никто не предложит мне ничего серьезного, а несерьезное меня не интересует.

— Если встретишь свою пару, он горы для тебя свернет.

Я приподняла бровь, даже не пытаясь скрыть своего скепсиса:

— Чарли, встретить истинного — все равно, что выиграть миллион крайтов без лотерейного билета. В наше время это такая редкость, что я не знаю ни одной пары, кроме вас с Домиником.

Шарлин нахмурилась, побарабанила пальцами по столу и выдала:

— Тогда встречайся с человеком.

— Но я волчица.

— Подобный расклад не помешал нам с Домиником создать счастливую ячейку общества.

Да, Чарли человек, а Доминик — альфа стаи, в которую он меня принял, когда все близкие от меня отвернулись.

Странно, но мысль встречаться с человеком никогда даже не приходила мне в голову. Я не расистка, просто, наверное, в какой-то момент поставила крест на собственной личной жизни и нормальных отношениях с мужчинами.

— Но как? — спросила я растерянно.

— Как познакомиться с мужчиной? — уточнила Чарли. — Сайты знакомств, быстрые свидания. Много же есть способов.

Быстрые свидания.

Мне понравилась эта идея: живые встречи, короткие разговоры, за несколько минут я вполне смогу понять, нравится мужчина или нет. Я была готова рискнуть.

Нашла подходящие, и чтобы не дать заднюю, сразу же зарегистрировалась. Удивительное совпадение, но вечеринка для желающих найти себе спутника или спутницу проходила здесь, в Фавеле, только в отдельном зале. Я сочла это хорошим знаком. Но чем ближе становился день Икс, тем сильнее я нервничала. Потому что никогда не была на быстрых свиданиях. Да у меня и обычных свиданий толком не было. Парочка до замужества, чтобы получше узнать жениха, которого для меня выбрал альфа, и одно уже после развода. Последнее оставило после себя самые неприятные ощущения. Вервольф заранее узнал обо мне все и на встрече заявил, что ничего серьезного у нас не выйдет, но мы «можем поехать в отель и неплохо провести время». Еще добавил, что рад, что я умная девочка и, конечно, все понимаю.

Он даже не представлял, каких трудов мне стоило сдержаться и не выплеснуть в его усмехающуюся рожу содержимое моего бокала. Только контроль, взращенный годами в стремлении с детства быть той самой умной и хорошей девочкой.

В общем, Чарли права, если на вервольфов мне не везет, значит стоит попробовать сходить на свидание с человеком. И быстрые свидания, надеюсь, помогут такого мужчину найти.

Все шло не по плану.

Началось с того, что в день, который должен был быть моим выходным, мне позвонил Доминик и попросил срочно приехать к Чарли. Все из-за визита Верховного старейшины. Дела государственной важности и, судя по накаленной ситуации, очень серьезные, если мой альфа решился оставить беременную и горячо любимую пару.

А после начались проблемы. Не с Чарли, со всей Легорией. Один из альф нарушил международный закон и был отстранен. Если бы при этом я не знала его лично, то, возможно, переживала бы меньше. Я в глаза не видела Верховного, но уже начинала его ненавидеть! Нет, чтобы позволить нам во всем разобраться самим, он устроил цирк.

Я весь день провисела на телефоне, разбираясь с накалившейся обстановкой. Поэтому, когда наступил вечер, вместо предвкушения я чувствовала лишь желание отправиться домой. Тем более что все равно опаздывала и не успевала переодеться.

От этого решения стало с одной стороны легче, потому что не нужно было ничего менять в своей налаженной жизни, а с другой — как-то тоскливо. Особенно когда я стала невольным свидетелем поцелуя вернувшегося домой Доминика.

— Я скучал, моя маленькая альфа, — он нежно обнял свою истинную, аккуратно прижимая ее к себе, положил ладонь на ее круглый животик.

— Мы тоже, — улыбнулась Чарли в ответ. — Когда ты рядом, наш волчонок не крутится как волчок.

— Я взял отпуск до его рождения.

— Отпуск-отпуск? — уточняет его подозрительная жена.

— Да, вы для меня важнее всего.

Меня сначала ужалило завистью, а следом накрыло осознанием, что у меня никогда так не будет.

Не будет истинного.

Не будет пары-вервольфа.

И ребенка тоже не будет.

Но я могу до конца жизни жалеть себя, а могу все изменить. Только я и могу все изменить. Например, для начала перестать обманывать себя, что мне хорошо одной, и пойти на вечеринку, пусть даже в деловом костюме.

Я вызвала такси до отеля «Кингстон», и, пока мы ехали, поправила макияж, сделав его ярче. В огромном холле отеля я стянула темно-синий пиджак: в юбке-карандаш и светло-голубой блузке я выглядела чуть менее официально. Немного подумав, расстегнула еще одну пуговицу на блузке, чтобы открыть соблазнительную ложбинку. Поправила волосы и осталась довольна своим отражением в гигантском, во всю стену, зеркале.

Зал для вечеринки был едва ли меньше основного в ресторане. Высокие панорамные окна с видом на манящие огни ночного города, в белом мраморе пола отражались настенные светильники, столики выстроились по кругу, и за ними уже разместились все участники быстрых свиданий.

Я втянула носом воздух: все люди.

— Наконец-то! — встречавшая у дверей блондинка схватила меня за руку и бесцеремонно потащила к ближайшему столу. — Там уже все началось. Вы пропустили вступление, но правила несложные, во всем разберетесь.

Меня «уронили» на стул напротив полноватого мужчины неопределенного возраста и сообщили:

— У вас четыре минуты!

— Мне обещали пять, — поправив очки, сварливо заявил он, и я поняла, что с ним мы вряд ли подружимся.

С правилами быстрых свиданий я действительно была знакома. Выучила их от и до, потому что привыкла ко всему подходить основательно. Все участники вечеринки разбивались на пары и проводили в обществе друг друга ровно пять минут. Когда время выходило, мужчины менялись местами, переходили за другой столик. Если вы нравились друг другу, то обменивались контактами.

Ничего сложного.

Просто десять свиданий за один раз. В этом случае пятнадцать: именно столько столиков я насчитала.

Первый вариант я отмела сразу. Жадность не красит мужчину, а мелочность тем более, так что я дежурно отвечала на вопросы и обрадовалась смене партнеров. Вторым мужчиной

оказался голубоглазый блондин по имени Антон. С ним мы достаточно мило побеседовали о триатлоне, которым он занимался. Третий, Мозес показался мне слишком помешанным на религии. После четвертого «свидания» подали коктейли, после шестого закуски, и вечер стал более расслабленным.

Правда, как на волчицу, на меня алкоголь не действовал совсем, я могла лишь оценить вкус. Вервольфы вообще иначе устроены, у нас крутая регенерация, и никакие человеческие болезни не берут. Поэтому вопрос от мужчины номер семь меня удивил:

— У вас были в роду нездоровые люди?

У меня вообще в роду людей не было!

— Нездоровые?

— Психически. Психозы? Неврозы? Шизофрения?

— А вам зачем? Вы доктор?

Рыжеволосый партнер по столику внешне мне очень понравился, но потом выдал то, что выдал.

— Нет, — покачал он головой. — Просто перестраховываюсь. Моя бывшая оказалась потомственной шизофреничкой.

Мои брови ползут вверх.

— Что? — раздраженно интересуется мой кавалер по короткому свиданию. — Теперь я предпочитаю узнать обо всем сразу, чтобы не тратить свое время на неперспективных женщин.

Неперспективных женщин?

Вот засранец!

— И отпугиваете потенциальных подруг такими допросами? — сарказмом в моем голосе можно захлебнуться, но ничего, держусь.

— Нормальную женщину это не напугает. Вдруг я захочу детей, они должны быть со здоровой психикой.

Нормальную женщину?!

— Вы же не машину покупаете, — я начинаю заводиться. — Речь о личности.

— Я бы с удовольствием купил себе жену, — на полном серьезе подтверждает этот любитель быстрых свиданий.

Как сделал мой бывший.

А этот любитель «нормальных женщин» добавляет:

— Вот бы можно было выбрать базовую комплектацию.

И так считают все вервольфы, которые выбирают себе волчицу! Что мы должны соответствовать их представлениям и во всем подчиняться.

Ножка бокала в моих пальцах с хрустом переламывается. В глазах мужчины шок, девушка за соседним столиком испуганно охает, а ко мне тут же подбегают официант и блондинка-организатор. Один из осколков больно вонзается в палец, но именно это приводит меня в чувство. Нашла на кого злиться! На идиота, который вообще не знает, зачем ему женщина.

Я самостоятельно вытаскиваю осколок и отказываюсь от предложенного антисептика. Просто прошу забрать части бокала, которые тут же уносит официант, и заявляю своему партнеру по столику:

— У нас с вами не может быть детей.

Отпускаю волчицу, до перехода в иную ипостась мне далеко, но теперь я вижу мир звериным зрением.

— Почему... — начинает он, но, натолкнувшись на мой взгляд, отшатывается и затыкается. — Вы вервольф. Почему меня не предупредили, что здесь будут вервольфы?

— Это не запрещено правилами.

— Тем не менее меня не спросили, хочу ли я встречаться с вервольфом.

Он пытается выглядеть уверенно, но я чувствую его страх. Как будто я чудовище какое-то, а не хрупкая девушка.

— Поверьте, я точно не хочу с вами встречаться. Психов в моей семье не наблюдалось, и менять это я не хочу.

— Смена партнеров! — к моему облегчению объявляет ведущая в микрофон.

Может, идея встречаться с человеком не так хороша? Правда, додумать мысль я не успеваю: моего обоняния касается нереальный аромат. В нем зной пустыни и дождь тропических лесов, сила океана и мощь земли под ногами. Одновременно с этим он такой глубокий, мускусный, мужской. Этот аромат обостряет все мои инстинкты, заставляет прикрыть глаза, потому что он кружит голову. Но лишь на мгновение, в следующую секунду я по-волчьи втягиваю его ноздрами и поворачиваюсь на его источник.

Замираю под взглядом темных глаз. Глубина? Что я знала о глубине? Кажется, он видит меня насквозь. Мужчина, что неумолимо приближается ко мне. Темные глаза, темные волосы, легкая щетина на скулах и резком, квадратном подбородке. На нем деловой костюм, но даже налет цивилизованности не может скрыть хищности его движений, неумолимой поступи зверя. А вот я чувствую себя раздетой. Не просто раздетой, распятой перед ним.

Меня охватывает странное желание податься ему навстречу или сбежать куда подальше, но ничего из этого я сделать не успеваю.

Вервольф опускается на стул напротив меня.

Его тут не было. Точно не было. Тогда что он тут делает? Кто он вообще такой?

Эти мысли вылетают из головы со скоростью болидов, когда он внезапно улыбается. Мне улыбается. У него красивые губы и белоснежные зубы. Этот абсолютный образец мужественности улыбается так, что мое сердце начинает трепетать, как встречающая рассвет песней птица. И я вся начинаю трепетать вместе с ним.

Вервольф же просто протягивает мне раскрытую ладонь.

Наверное, рациональная часть покидает меня в этот момент, потому что я, не раздумывая, вкладываю в его руку свою. Он берет осторожно, принимает, а потом проводит языком по моему пальцу, зализывая ранку после осколка.

Предки! Меня перетряхивает всю: от кончиков пальцев до макушки. Жар проносится по всему телу, костром вспыхивая внизу живота. Волчица, моя вторая ипостась, поднимает голову и стремится перекинуться. Я едва сдерживаю собственный порыв, свое звериное начало.

Края царапины немедленно срастаются, но отпрянуть мне не позволяют, продолжая изучать, трогать. Он пальцами накрывает венку пульса на запястье, и я вижу удовлетворение в его взгляде. Он знает. Он знает, что разжигает во мне новые и новые пожары. Он всего лишь зализал мою ранку, а я стала вся влажная.

Всего лишь, Венера?!

Он же съесть тебя хочет в самом эротичном смысле, разложить тебя прямо на этом столе. Ты посмотри на голод в этих бездонных глазах.

— Простите, но сейчас очередь другого участника. К нам нельзя просто так присоединиться, нужно записаться заранее.

Я скидываю голову, в полной мере осознав, что мы не одни. Возле нашего столика стоит блондинка-организатор, а за ней маячит какой-то мужчина. Мужчина, который должен быть моим следующим партнером.

Тогда кто этот незнакомец?

Он даже на нее не смотрит, только на меня:

— Пойдем.

Голос у него под стать внешности: глубокий, властный, пробирающий до мурашек. В нем не просто сила чувствуется, ей невозможно противостоять.

Он поднимается и тянет меня за собой, а меня и уговаривать не нужно, я готова идти за ним на край света. Точнее то, что я иду с ним непонятно куда, осознаю уже далеко за пределами зала для быстрых свиданий, возле лифтов, ведущих из ресторана в отель.

Створка лифта распаивается перед нами, и вервольф кладет руку мне на поясницу, подталкивая в большую, но пустую кабину.

— Куда мы? — спрашиваю я. Очевидно, зачатки разума во мне все-таки остались. Совсем чуть-чуть, потому что, когда он скользит ладонью ниже, я не даю ему по морде, наоборот шагая вплотную.

У меня вообще ощущение, что в бокал с коктейлем мне что-то подмешали. Что-то, от чего даже верволфы дуреют. Как еще объяснить, что после его ответа:

— В мой номер, — я не выбегаю из лифта.

Не хочу я никуда бежать.

Двери закрываются, отрезая меня от иллюзии побега, и я тут же оказываюсь зажата между стеной и мужчиной, которого хочу с немыслимой силой. Хочу его до одури.

Я не знаю, кто кого целует первым, мы просто сталкиваемся друг с другом. Со стонами, с рычанием, достойными зверей во время брачных игр. Он вжимает меня в себя, позволяя почувствовать всю силу своего желания, скользит ладонями вдоль моего тела: снизу вверх, по бедрам, по животу, задевает соски, возбуждение которых не скрывает ни блузка, ни тонкая ткань белья. А я цепляюсь за мужские плечи, зарываюсь пальцами в густые волосы, вдыхаю его аромат. Когда он отрывается от моих губ, чтобы прикусить чувствительную кожу на шее, я запрокидываю голову и вижу нас в отражении зеркальной стены.

Себя — раскрасневшуюся от возбуждения, с расширенными зрачками: настолько, что не видно звериного золота.

Его — огромного, нависшего надо мной, захмелевшего от одной на двоих страсти.

Мелодичный звон напоминает, где мы. Двери лифта плавно отъезжают в сторону, и я испуганно дергаюсь. Но мой незнакомец не позволяет меня выпасть из нашего безумия, подхватывает под ягодицы и, вовлекая в новый сумасшедший поцелуй, куда-то несет.

Где-то фоном слышится треск ткани: кажется, узкая юбка не выдерживает подобного обращения. Но мне все равно, единственное, о чем я сейчас способна думать — как стать ближе к нему. Коснуться кожей кожи. Поэтому с моей помощью вервольф лишается галстука. Я стаскиваю его, сбрасываю на пол, а через мгновение снова оказываюсь прижата к стене и вовлечена в новый жаркий поцелуй.

Протестующий писк электронного замка сливается с моим громким стоном. Мой незнакомец промахивается ключом, когда я обхватываю его бедра ногами. Его нетерпеливое рычание только раззадоривает, и я кусаю мужчину за нижнюю губу. Игриво, легко, но слышу, как от этого ускоряется его пульс под моими пальцами на его шее.

Щелчок замка — и он дергает меня на себя, не позволяя пробраться ладонями под его рубашку. Я парю на его руках. Буквально. Потому что сначала он куда-то меня несет, а потом куда-то усаживает.

На спинку дивана, отмечаю запоздало. Это вообще все, что я успеваю заметить, потому что, продолжая посасывать и покусывать мои пылающие губы, вервольф резко задирает мою юбку. Я едва не падаю назад, когда он с нажимом проводит по внутренней стороне бедра, а после сдвигает ткань трусиков, касаясь уже других губ.

Он не позволяет мне упасть, ловит мой взгляд, когда скользит вверх-вниз, кружит по спирали, нарочно задевая чувствительный бугорок клитора. Легко скользит, потому что я возбуждена до предела и готова просто рычать, стоит ему убрать ладонь.

— Нет!

— Нет? — усмехается этот мучитель, поднося пальцы к своему лицу и слизывая с них мою влагу.

— Да, — исправляюсь я.

Он тихо смеется и снова подхватывает меня на руки.

На этот раз мы в спальне, и я тут же оказываюсь на широкой постели. Спиной на прохладной покрывале. Эта прохлада будто отрезвляет. Предки, что я делаю?

В данный момент смотрю, как властный, сексуальный вервольф раздевается передо мной. Хотя, раздевается — можно сказать с натяжкой. Он буквально срывает с себя одежду, а вот в его взгляде явно читается желание натянуть одну маленькую волчицу.

Мамочки, почему меня не пугает эта мысль? Только еще сильнее заводит. Как и мужчина, силой и хищностью которого невозможно не восхититься. Сильные плечи, крепкие руки и ноги, плоский живот: он весь будто выточен из камня или вылит из стали. Словно природа решила наделить его всем самым лучшим.

Спальню освещает лишь свет полной луны, но этого достаточно.

Мой рот наполняется слюной, когда он во всей своей первозданной красе останавливается напротив меня. То ли от волнения, потому что у меня давно не было мужчины, то ли от предвкушения. Мне и самой сложно ответить на этот вопрос. Меня лихорадит: бросает то в жар, то в холод.

Я вновь падаю в омут его глаз, в радужке которых вспыхивают золотые искры его зверя, а затем подаюсь ему навстречу.

Вздых.

Стон.

Треск шелка — и на мне больше нет блузки. И юбки тоже. Только белье и чулки.

Он вжимает меня в матрас своим сильным могучим телом, и я чувствую себя так, будто нырнула в горячую ванну. Остро, но невыносимо приятно. Поцелуи словно оставляют ожоги на коже — там, где он касается меня. На губах и ладонях — там, где его касаюсь я. Но для того, чтобы изучать тела друг друга медленно, мы слишком распалены. Я это понимаю, и он тоже. Потому что срывает последнюю преграду белья, вклинивается между моих бедер и раскрывая меня для себя, входит в меня одним движением.

Я вскрикиваю от этой наполненности, от тесноты. Сжимаюсь на нем.

— Горячая, — шепчет он. — Какая же ты горячая, гуара.

Я не знаю, что это значит, но его губы задевают мое ухо, и меня будто пронзает молния, а вместе с этим словно пронзает он. Вервольф подается назад, чтобы тут же качнуться вперед, врезаясь в меня.

Я действительно горю от этих мощных движений: диких, то быстрых, то плавных и тягучих, от торопливых поцелуев, от чувства наполненности, которое он мне дарит. Его толчки зажигают во мне невероятные искры, и я кричу. Кричу от наслаждения, когда он толкается в меня, изливаясь сильным потоком. Кричу, срывая голос, притягивая его к себе.

Он перекачивается на бок, увлекая меня за собой.

— Nena. Малышка.

— Я не малышка! — смеюсь я.

— Тогда кто ты?

— Венера.

— Венера, — повторяет он, смакуя мое имя. — Мне нравится.

Он говорит что-то еще по-вилемейски, гладит меня по спине, ягодицам, и через несколько минут я осознаю, что ничего успокаивающего в этих прикосновениях нет. Особенно, когда он будто невзначай все-таки расстегивает застёжку бюстье, а потом добирается до обнаженной груди. Улыбаясь, я обхватываю член пальцами, проводя по всей длине, убеждаясь, что он снова готов, будто и не было этого крышесносного оргазма несколько минут назад.

С рычанием он поворачивает меня к себе спиной и входит сзади, поэтому мысль, что он не назвал своего имени, теряется в охватывающем меня остро-сладком удовольствии. Она возвращается исключительно утром, когда я просыпаюсь в ворохе сбитых одеял.

Одна.

Глава 2

За окном непривычно солнечная для Крайтона погода: именно яркие лучи меня и разбудили, пробравшись сквозь раздвинутые шторы. И, судя по этим лучам, утро началось уже давно.

Я моргаю и сажусь на постели, миглом вспоминая, где я, и случившееся ночью.

Я переспала с вервольфом, даже не узнав его имени.

Не просто переспала — я провела с ним всю ночь. Очень жаркую ночь. От вспыхнувших в памяти картинок все в моем теле сладко сжалось, а возбуждение снова хлынуло огнем по венам.

Я даже головой потрясла, чтобы избавиться от наваждения.

Наваждения, которого поблизости не наблюдалось. Ни в роскошной спальне президентского люкса, ни в не менее роскошной гостиной. Я прислушалась и поняла, что в огромном номере я одна. Куда ушел мой незнакомец, я не знала, но, отбросив одеяло в сторону, поспешно поднялась и отправилась в ванную. Мне нужен был душ. Жизненно необходим.

Я направилась в ванную и первым делом поймала свое отражение в зеркале.

М-да, я бы сама от себя такой сбежала: макияж размазался, волосы спутались. Но это ни беса не объясняет. Вообще не объясняет мои действия. Зачем я все это сделала? Я подавила нервный смех и шагнула в душевую.

Под струями теплой воды, втирая в кожу гель, я зажмурилась и постаралась вспомнить прошедшую ночь в мельчайших деталях. Не то, как вервольф вколачивался меня до сладких спазмов, а то, что было до. До того, как я перешагнула порог люкса, куда формально не шагала вовсе, потому что меня через этот порог перенесли. Вспомнить и воссоздать картину.

Быстрые свидания. Коктейли, которые для меня как сок. Конфликт с шовинистом. Сломанная ножка бокала.

Организатор сказала, что вервольф не участвует в свиданиях, он пришел туда позже. Из-за меня? По запаху. Как же невероятно он пах! При одном воспоминании об этом запахе все во мне начинает трепетать. Что, если я так же пахла для него? Это объясняет то, почему нас одновременно накрыло этой жаждой. Но не объясняет, почему накрыло вообще.

Мы готовы были заняться сексом в лифте. Как звери. Как волки в брачный сезон!

Я замираю, забывая и о воде, и о геле для душа. Потому что осенившая меня догадка поражает. Нет, она настолько нереальная, что одномоментно пугает и радует.

Могла ли я встретить своего истинного?

Невероятно.

Невозможно!

Просто это не могло произойти со мной. Или могло?

Ведь это бы очень многое объяснило: то, как я доверилась незнакомцу, то, как пошла за ним, не думая ни о чем. Не сомневаясь. Это я, волчица, второе имя которой «осторожность». Я всегда считала, что для близости нужна близость, единение душ, интерес, и никогда бы не позволила себе секс без обязательств, без правил. С первым встречным! У меня до этой ночи вообще был секс только с одним мужчиной, с бывшем мужем. Не говоря уже о том, что я вытворяла в постели сегодняшней ночью, как дразнила его, как провоцировала.

Это была я, но какая-то другая я.

Свободная.

Открытая.

Дерзкая.

Не правильная девочка, а волчица-бунтарка, которая знает, чего хочет и кого хочет. И она хотела своего... истинного.

Я всхлипнула и прижала пальцы к губам, не веря тому, что со мной произошло. Я столько раз спрашивала у Чарли, как это — встретить своего истинного, а она отвечала: «Понимаешь, что то ли убить его хочешь, то ли затрахать, но чувства сильные». Вот и мне вчера хотелось второе. Заклеймить, присвоить его себе и вместе с этим подчиниться ему, отдаться, быть ласковой кошечкой в его сильных руках.

А-р-р!

Проблема в том, что истинность в наше время — огромная редкость. Если не сказать больше, потому что Чарли и Доминик стали единственной истинной парой лет так за пятьсот. До этого волчиц отдавали за вервольфов, обладающих наибольшей властью, а естественное формирование волчьих пар заменили политической выгодой. Я знаю, была одной из них.

В общем, о том, как правильно определить истинность, я вряд ли найду хоть в одной книге. Проще всего спросить у потенциального истинного, с которым я провела безумно горячую ночь. Но для этого нужно было узнать, куда он делся и когда вернется.

Выключив воду, я завернулась в отельный халат с вышитой золотой короной, эмблемой Кингстона, влезла в тапочки и возле зеркала избавилась от оставшихся следов макияжа. Несмотря на то, что спала я мало, выглядела я отлично. Будто наполненная бурным сексом ночь меня оживила.

Все из-за взгляда, решила я, и через спальню прошла в гостиную. Первое, что привлекло мое внимание — букет нежно-розовых, почти кремовых роз на журнальном столике. Рядом с вазой стояла большая белая коробка, и тут же нашлась моя сумочка, которую я, очевидно, вчера «потеряла» по пути в спальню. Хорошо, не по пути в номер, иначе бы осталась без телефона и без карт. А вот свой пиджак я оставила на быстрых свиданиях. Да, так отключить мозг могла только истинная пара!

Так как на коробке было написано «для Венеры», я стянула с нее голубую ленту и подняла крышку. Внутри оказалось темно-синее шелковое платье от «Вестас», новое черное белье и запасные чулки. Подарки я любила, а учитывая, что моей одежде ночью пришел конец, оценила его практичность, но ни в коробке, ни на столе записки не нашла. Правда, осмотревшись, обнаружила мигающий автоответчик.

Я нажала на кнопку и услышала голос, который ночью шептал мне ласковые слова на невероятно сексуальном языке. Правда, сейчас он звучал сдержанно и по-деловому.

— Доброе утро, Венера. Спасибо за чудесную ночь. Для меня она была незабываема. Сегодня я покидаю Крайтон, так что увидиться не получится. Но я бы с удовольствием повторил нашу встречу, когда буду здесь в следующий раз. Я лишил тебя одежды, — усмехается он, — поэтому попросил менеджера отеля подобрать замену. Там же ты найдешь мою тебе благодарность. До встречи, пепа.

На автомате лезу на дно коробки и под слоем бумаги нахожу белый конверт.

А в нем чек на приличную сумму.

Мир перед глазами обрел новую резкость, при этом потеряв краски: я переключилась на звериное зрение. Ногти с образцовым матовым маникюром вытянулись, превращаясь в заостренные когти. Из груди вырвалось утробное рычание. Ярость во мне закипела, забурлила, и идеально ровная бумажка превратилась в комок в моей ладони.

Превратилась — и полетела за диван, а я схватила злосчастную коробку с платьем: злость волчицы, ее обида, требовала выхода. Поэтому коробки тоже не стало, только ее куски в моих руках, а одежда оказалась на полу.

Мой истинный... Мой истинный! Решил заплатить мне за ночь, как какой-то девочке по вызову? Да еще и желал повторить. Как-нибудь. Когда он будет в Крайтоне.

Да не пойти ли тебе в задницу... Как тебя вообще зовут, хрен ты клыкастый?

Там на чеке было имя. Не могло не быть, поэтому я пнула одежду и обошла диван. Зашвырнула я бумажку далеко, но найти ее не составило труда: на ней отпечатался мой запах.

На ней отпечтался клятый его запах! Только сейчас он действовал на меня, как пламя на волка. Раздражал! Нереально раздражал, потому что продолжал действовать. Будоражить.

Р-р-р!

Я подняла чек и, расправив его, вчиталась в имя.

Подождите!

Рамон Перес? Тот самый Рамон Перес?

Мой истинный — верховный старейшина?!

Хорошо, что рядом оказалась стеночка, потому что к ней я и прислонилась. И едва сдержалась, чтобы по этой стеночке не сползти, потому что ноги перестали меня держать, а голова совсем пошла кругом.

Что я знала о Рамоне Пересе? Например то, что он один из самых влиятельных вервольфов — даже не страны, нашего мира. Член Волчьего союза, беспристрастного союза волков, которые решают исключительно глобальные дела и следят за мировым балансом. Конечно, смена власти в Легории их заинтересовала, как заинтересовал брак альфы с человеком. А еще сын вервольфа от простой женщины стал вожаком стаи и прежних старейшин свергли. Неудивительно, что этот Перес явился в мою страну и к Доминику. К моему альфе. Из-за него Доминик не был с Чарли, а я была. И поэтому в глаза не видела верховного!

До прошлого вечера.

Теперь до меня доходило. Сильная аура. Лоск. Непробиваемая мужественность. Президентский люкс.

Кто еще мог выбрать подобный номер, как не Самый-крутой-волк-в-мире?

Да если бы я знала, что это Перес, я бы бежала от него далеко-далеко. Нет, не так! Если бы я знала, что он мой истинный, я бы бежала еще дальше!

Кому вообще нужен слепоглухонемой истинный? Потому что только такой мог ничего не почувствовать сегодняшней ночью и причислить меня к волчицам легкого поведения.

Только завибрировавшая на столике сумочка выдергивает меня из мрачных размышлений о кровавом убийстве. Вчера я поставила смартфон на беззвучный, чтобы не отвлекаться от свиданий.

Вызов оказывается от Энди, секретаря Доминика.

— Венера, ты где?

— М-м-м... это имеет значение? — Мы, конечно, с ней почти полтора года проработали, но отношения у нас чисто деловые.

— В смысле, Мерр сказал, что ты до сих пор не в офисе. Надеюсь, ты не забыла о том, что согласилась меня подменить?

Сегодня?

У меня с этой истинностью-не истинностью совсем мозги отбило.

— Нет, Энди, я просто в пробке, — придумываю первое, что приходит в голову. Врать, пусть даже в мелочах — не в моем стиле, но я слишком долго всем в команде Доминика доказывала, что на меня можно положиться. И сейчас не могу подвести. Тем более до здания «Экрот-Брайс групп» отсюда пара кварталов.

— Поспеш. У Доминика встреча в десять.

Энди отключается, а я смотрю на часы. Девять. Даже накраситься успею.

Приходится влезть в платье от «Вестас», ни известный бренд, ни само платье вообще не виноваты в том, что им со мной расплатились. К тому же, я уверена, что Рамон вовсе его не выбирал и даже не видел. Просто отдал приказ помощнице или отельному менеджеру. Я сама множество раз получала такие распоряжения, выбирала одежду для Чарли, когда у них с Домиником только все начиналось. Разве что чек Перес сам выписал. Вырисовал своей дорогой, наверняка с бриллиантами, ручкой. Койот!

Чек я забираю с собой, но не для того, чтобы обналичить. Нет, я узнаю адрес верховного и отправлю его ему. Международной почтой! Курьерской.

С учетом пробок я была в офисе через двадцать минут. Накрасилась, сделала себе кофе, что было моим утренним ритуалом и всегда успокаивало нервы. Рутинка всегда меня успокаивала. Правда, когда раскрыла файл с записью встреч Доминика, чашка в моей руке дернулась, и кофе выплеснулся на белую клавиатуру.

Потому что в десять у Доминика была встреча с Рамоном.

Только мне так могло «повезти»!

Вот серьезно. Я, конечно, после утреннего сообщения хотела запихать чек ему в одно место, но не в буквальном смысле. Встретаться с ним еще раз? А вдруг у меня снова мозги отъедут, как случилось ночью? Я же практически ничего не знаю о притяжении истинных. Может, мне это все почудилось!

Не почудилось. Аромат, что, кажется, впитался в меня всю, донесся до моего обоняния раньше, чем я придумала, как разминуться с верховным. А сам он вошел в приемную за пятнадцать минут до встречи с Домиником. Вошел и остановился, рассматривая меня. От его темного взгляда меня всю перетрясло: от макушки до пальцев ног, зажатых в тиски туфель на шпильке. Будто и не было целой ночи безудержного секса, я хотела его снова. Необъяснимо. Невероятно.

Правда, эта ночь закончилась тем, чем закончилась. Стоило вспомнить и чек, и сообщение, и даже то, что он ушел не попрощавшись, как я стряхнула наваждение. Вместо возбуждения по венам потекла ярость.

Я не стану бегать ни за ним, ни от него. Если не понял, что мы истинные, то это его проблема. Поэтому я нацепила на лицо самую вежливую улыбку из собственного арсенала и поздоровалась:

— Доброе утро, верховный старейшина Перес. Доминик еще не приехал. Могу я предложить вам кофе?

Кажется, ему это не понравилось, потому что прищур у вервольфа стал сильнее. То ли кофе не любит, то ли не терпит равнодушия к своей персоне. Или он подумал, что я туда плюну? Нет, мне моя репутации важнее личной вендетты.

— Я выпью кофе.

— Отлично. Присаживайтесь, я принесу.

Заодно переведу дух, потому что меня уже бросает то в жар, то в холод, а еще Доминика ждать.

— Я тебя провожу.

Ни за что!

Я крутанулась, преграждая ему вход в комнату для персонала. Не успела заметить, как он близко подобрался, поэтому почти уперлась руками ему в грудь. Отдернула ладони и как можно нейтральнее пояснила:

— Это против правил.

— Я создаю правила, Венера. Покажи, где кофемашина.

Офисная кухня мне всегда казалась большой, огромной, но не рядом с Рамоном. Кажется, я буду его чувствовать, даже спустившись на подземную парковку, что уж говорить про несчастные квадратные метры. Он будто обволакивает меня своей аурой, и это мешает мне думать. Кофе я делаю на автомате: засыпать зерна, подставить кружку.

— Какой вы любите?

— Черный.

Кто бы сомневался?

— Значит, наша встреча была не случайной, — я кожей ощущаю, как он подходит и останавливается за моей спиной.

— О чем вы?

— В отеле, Венера. И часто Доминик дает тебе подобные задания?

Вот теперь до меня доходит. Конкретно так доходит. Хорошо, кофе еще не успел выплеснуться в чашку, а репутация важнее. Надо почаще себе это повторять!

Я медленно оборачиваюсь и смело смотрю ему в глаза. Они у него даже с такого расстояния темные-темные, как черные дыры.

— Если вы хотели оскорбить меня еще больше, вам это удалось.

Он подается вперед, я тоже, больно ударившись пятой точкой о столешницу.

— Чем же я тебя оскорбил?

Даже не знаю, что унизительнее: его предположение или этот вопрос.

— Тем, что решили, что я хочу встречаться с вами снова, — цежу я.

— Маленькая сумма?

— Чулки не того оттенка!

Пытаюсь отодвинуться, но Рамон кладет ладони на стол. Я будто оказываюсь в капкане, хотя он даже не касается меня. Между нами словно пробегают электрические разряды, а воздух накаляется.

— То есть я должен поверить, что единственный получил эту награду?

— Верь во что хочешь, но на продолжение не рассчитывай.

Теперь его глаза вспыхивают звериным яростным огнем.

— На этот счет не волнуйся. Мне не нужна шпионка Доминика.

Пощечина и то была бы менее унизительна, но он умудрился ударить меня словами. Этот мужчина просто невозможный! А я-то, наивная, считала, что хуже моего бывшего в мире нет.

— Хорошо, что мы во всем разобрались, — мне не нужно стараться, чтобы вложить в голос побольше холода, он разве что не звенит от стужи, несмотря на весну на календаре.

Я жду, что он отодвинется, но он остается на месте.

— Не совсем. Если у этой ночи будут последствия, я позабочусь о них.

— Последствия?

— Ребенок, Венера. Если ты забеременела...

Вот оно что! Какой благородный.

— На этот счет не волнуйся, — возвращаю ему его же слова. — Я не могу иметь детей.

— Это правда?

— Чистая. Уверена, что ты можешь дать задание собственным шпионам и узнать, что бывший муж выгнал меня из стаи из-за моей неспособности зачать. Так что жениться на мне не придется.

Рамон смотрит на меня изумленно и, оттолкнувшись от столешницы, наконец-то отступает.

— Я говорил не о замужестве, а о ребенке. Жена мне не нужна.

Он забирает кофе и уходит, а я впервые задумываюсь: может, верховный женат?

Пока они с Домиником беседуют в его кабинете, я лезу в сеть и нахожу всю доступную информацию о Рамоне Пересе. Не знаю, какого беса, мне это надо, но надо! Женское любопытство, чтоб его. Впрочем, очень быстро понимаю, что он самый скрытный вервольф во всей галактике. Или у него хорошая служба безопасности. Потому что я узнаю только его возраст (ему тридцать два), то, что он меценат и предпочитает рыжих. По крайней мере, на всех фото с благотворительных ужинов рядом с ним все время под руку мелькает одна и та же женщина с медными волосами. И она не волчица, человек.

Значит, жены у него нет, и она ему не нужна. То есть я не нужна в качестве жены и в качестве истинной. Соответственно, мне он не нужен тоже.

Совсем.

Когда Рамон уходит, я провожаю его вежливой улыбкой, и вычеркиваю из жизни. Прошлое надо оставлять в прошлом. Так говорит мой психоаналитик, и я с ней согласна.

Чувства во мне улеглись, я успокоилась и даже если не забыла, то смирилась с этой историей. Моя жизнь стала прежней: работа, дом, поездки к Чарли с Домиником и их маленькому ангелу. Когда я впервые подержала Анхеля на руках, то чуть не разрыдалась от счастья и одновременно разочарования, что у меня такого никогда не будет.

А через две недели поняла, что у меня задержка.

Глава 3

— Испытывали ли вы сильный стресс в последнее время? — поинтересовался на приеме доктор.

Хм. Не считая того, что я встретила истинного, а он оказался козлом?

— Я узнала, что мой бывший муж погиб. Но, если честно, это не вызвало во мне сильных эмоций.

Это было чистой правдой. Думала, что после новости, которую мне сообщил Доминик, почувствую облегчение, но, наверное, я давно избавилась от влияния Августа на мою жизнь. Несмотря на то, что когда-то он превратил эту жизнь в кошмар, по этому поводу я сейчас не испытывала ничего.

— Тогда посмотрим на результаты анализов.

— Я подожду.

Клиника была для вервольфов, поэтому мне удалось так быстро записаться на прием. В силу повышенной регенерации и выносливости вервольфы почти не болели. По сути, все наши болезни были именно генетическими: наследственными или врожденными. Как я и сказала мужчине на быстрых свиданиях, шизофренией в моем роду никто не страдал, а вот проблемы с рождаемостью были. Это вообще была общая проблема всех вервольфов — наша раса постепенно вырождалась.

Девочек появлялось на свет все меньше и меньше, а беременность и роды обычно проходили достаточно тяжело. Если, конечно, волчица могла забеременеть. Я оказалась в числе бесплодных. Спустя два года нашей брачной жизни муж отправил меня в эту клинику, чтобы узнать, почему я все еще не могу подарить ему наследника. А когда пришли результаты диагностики, Август просто развелся со мной и выгнал меня из стаи.

— Венера, я должен сообщить вам удивительную и чудесную новость, — отвлекает меня от мрачных воспоминаний пожилой доктор.

— Удивительную?

— Чудесную! — он широко улыбается. — Вы беременны.

Чего?! Они там анализы перепутали, что ли?

— Вы, наверное, шутите. Все исследования показывали, что у меня никогда не будет детей.

— Поэтому я и сказал, что это больше похоже на чудо предков. Но это правда, вы носите под сердцем волчонка. Срок небольшой...

Доктор еще что-то говорит. Что-то вроде того, что с эмбрионом все хорошо, он развивается нормально, конечно, он будет наблюдать меня, и еще множество известных и неизвестных терминов, но его слова доносятся до моих ушей, будто сквозь пелену.

Я беременна?

Я беременна!

От Рамона.

— Вы не рады? — хмурится доктор.

— Я в шоке, — признаюсь я.

— Надеюсь, что в приятном. Все-таки за годы моей практики вы единственная, кому удалось опровергнуть поставленный мной диагноз. Я настаиваю на изучении вашего случая. Возможно, это поможет другим волчицам.

Только не это!

— Не говорите никому обо мне.

— Естественно! Это врачебная тайна. Все только с вашего согласия.

Меня это успокаивает. Немного.

Потому что я ничего не понимаю. Как я вообще могла забеременеть, если даже у доктора нет объяснений этому? Чудо?

Истинность.

Клятая истинность, которая одурманила меня, а затем преподнесла вот такой подарок.

Истинность, про которую я ничего не знала, о которой предпочла забыть, и поэтому не копала. Не пыталась ничего выяснить. Но теперь придется это сделать, потому что я беременна.

Потому что я беременна от верховного старейшины.

Потому что он не хочет ребенка... Поправочка, не хочет меня в роли матери его ребенка, и заберет его — он сам так сказал. Что позаботится. А я не могу этого допустить. Я так хотела и так ждала это чудо, что никому его не отдам.

Об этом ребенке никто не должен узнать.

Особенно его отец.

Но как это сделать? Как скрыть собственную беременность?

К сожалению, не под одеждой. Учítывая, что я живу и работаю в кругах своей расы, рано или поздно вервольфы уловят биение двух сердец, почувствуют изменение в моем запахе. Они узнают, что я ношу под сердцем волчонка, и начнутся вопросы. Кто отец?

Доминик знает обо мне и Рамоне. У нас с верховным была настолько зажигательная ночь, что, несмотря на принятый душ, наши ароматы смешались. На мне остался его запах, а на нем — мой. Доминик не идиот, все понял еще тогда в офисе, но ничего не сказал, за что я была ему благодарна. За невмешательство в мою личную жизнь.

Но одно дело просто секс, пусть даже с верховным старейшиной, совсем другое — зародившаяся во мне маленькая жизнь. В моем мире, в наших реалиях, волчата — огромная ценность, ни один отец не откажется от них.

Он его заберет.

Заберет!

Я осознаю себя на парковке перед клиникой, сидящей в машине и судорожно вцепившейся обеими руками в руль. Перед глазами плавают пятна, пульс грохочет в ушах, по спине стекают капельки холодного пота, а сделать нормальный вдох просто не получается. Я хватаю ртом воздух, которого не хватает в тесном пространстве салона, и быстро нажимаю на кнопку, опуская боковое стекло.

Городской воздух относительно свежий, пахнет выхлопными газами, дымом и рыбным заводом, который через несколько кварталов отсюда, но холод миглом вышибает из меня панику.

Паническая атака, привет! Давно не виделись!

Я делаю глубокий вдох и еще более глубокий выдох, и так несколько раз, а затем сама себе признаюсь в том, что одной мне с этой новостью не справиться. Мне просто необходимо с кем-то поговорить, поэтому нахожу нужный контакт и записываю голосовое сообщение:

— Хелен, знаю у тебя слишком плотная запись, и все расписано на месяц вперед, но мы можем перенести нашу встречу на сегодня?

«Есть окно в 16.30. Успеешь?» — приходит ответ.

Конечно!

Спасибо всем предкам за отсутствие пробок, через час я уже сижу на мягком горчичном диване в офисе моего психоаналитика. А сама она заваривает для нас ромашковый чай — обязательный атрибут наших встреч.

У Хелен полностью седые волосы, хотя ей не больше сорока пяти, подтянутая фигура и будто глядящие в самую душу глаза. Еще она человек, и два года назад именно по этой причине я не могла решиться обратиться к ней по поводу личной терапии. Мне казалось, что люди не понимают вервольфов, наших законов и традиций, но это время узнала, что мы не так уже и отличаемся друг от друга. Что с проблемами, с которыми столкнулась я, сталкиваются и другие

женщины. В итоге беседы с Хелен окупил каждый вложенный крайт: приступы почти меня не беспокоили. До этого дня.

— Что побудило тебе перенести встречу, Венера?

От нее, конечно же, не укрылась моя спешка. Начиная с этого года мы начали видеться раз в две-три недели, Хелен говорила, что в более частых встречах необходимость отпала. Из забитого зверька, который не доверял никому, я стала волчицей, женщиной, обрела самооценку, внутреннее равновесие. Которое как оказалось очень легко пошатнуть.

— У меня был секс, — признаюсь я, забирая из рук психоаналитика чашку, наполненную ароматным напитком. — С вервольфом. Спонтанный. Без обязательств.

Кроме Хелен я бы никому в этом так открыто не призналась, но мы еще в самом начале договорились о честности. О том, что я здесь именно затем, чтобы говорить о своих проблемах.

— Смелый шаг с твоей стороны. Но необходимый. Как удалось справиться со страхом близости?

— Я с ним не справлялась. У меня будто мозг выключился, и меня вели голые инстинкты.

— Очень хорошо, что получилось расслабиться и не ассоциировать нового партнера с предыдущим. Это все равно положительный опыт.

Настолько положительный, что несколько ночей подряд я просыпалась от эротических кошмаров с участием Рамона! Потом попустило.

— Я не уверена в этом, Хелен.

— Почему?

— Я была слишком беспечной. Отдалась моменту и забыла обо всем. Я думала, что он моя пара, но он... Он сказал, что я ему не нужна!

Я выкладываю все: и про быстрые свидания, и про чек, который я запихнула в шредер.

— Тебе не за что себя винить, — мягко перебивает меня психоаналитик. — Правильно делаешь, что признаешь собственные чувства. Нормально, что ты еще временами реагируешь, опираясь на свои старые законы и убеждения. Абсолютно нормально, что ты учишься реагировать по-новому. Ты взрослая, самостоятельная женщина, которая вправе самостоятельно выбирать себе партнеров и получать удовольствие от секса. Только ты отвечаешь за свой выбор и его последствия.

— К слову о последствиях, — вздыхаю я. — Та ночь не осталась для меня случайной — сегодня я узнала, что беременна.

Невозмутимая Хелен приподнимает брови:

— И что ты чувствуешь, узнав об этом?

Вопрос настолько неожиданный, что я теряюсь. Потому что я настолько поддаюсь панике, настолько заикнулась на страхе, что малыша у меня обязательно заберут, что нужно бежать куда глаза глядят, только чтобы его уберечь... Что даже не успела подумать о нем самом!

О моем отношении к беременности.

Я кладу руки на живот и будто только сейчас осознаю, что у меня будет малыш. Такой долгожданный. Уже любимый! Мое чудо. Горло сдавливают от невозможности выразить словами все, что я к нему чувствую, образ Хелен расплывается перед глазами, полными слез. Сейчас я плачу совсем не от страха.

От счастья.

— Я самая счастливая женщина на свете.

— Это чудесно, — Хелен улыбается, ни как обычно: сдержанной профессиональной улыбкой, а тепло, по-дружески.

— Есть сложности.

— Всегда есть сложности, все зависит от того, как мы к ним относимся. Раздуваем до невероятных размеров или решаем проблемы.

Я рассказываю ей о своей. О самой большой проблеме, которую мне может устроить Рамон, но Хелен не поддерживает меня в этом страхе.

— Людей защищает закон, а вервольфов — их альфа. Думаю, тебе стоит к нему обратиться.

Нарыдавшись, я привожу себя в порядок в туалете, прежде чем вернуться к терапии. Волчица в отражении бледная, но взгляд у меня больше не испуганный. В нем решительность. Потому что мне есть за кого бороться. Теперь точно есть за кого.

Я прощаюсь с Хелен и в этот раз шагаю к ней, обнимая женщину. Она обнимает меня легко, как мать, а для вервольфа объятия — большой шаг, мы не любим чужие прикосновения. Но сейчас мне нужна эта смелость и нужна эта поддержка.

Мне нужна вся моя храбрость, чтобы защитить моего ребенка.

Самым простым было попросить о помощи. Более того, меня этому учили с детства. Если у тебя проблемы, ты всегда можешь обратиться к альфе, и он посмотрит, как эту проблему можно решить. Стая больше чем общество, стая — семья. По крови и по духу. Стать изгоем означало лишиться всего: любой помощи рода и помощи альфы. Если человеческих капризных детей пугают отлучением от сладкого и игрушек, то волчат с плохим поведением страшат изгнанием из стаи. Но на самом деле я даже не могла представить, что окажусь на обочине жизни.

Слишком правильной я всегда была.

Меня ставили в пример моим кузинам и кузенам. Мне прочили большое будущее. Потому что я должна была стать женой альфы, а затем — матерью наследника и первой волчицей стаи.

Не стала.

Я не смогла подарить Августу волчонка, и он меня прогнал. Из стаи и из привычной жизни. Я буквально осталась на улице. Без денег. Без работы. Без связи с родом. Отец тоже от меня отказался.

Помню, как лежала на лавочке в парке и хотела, чтобы ничего этого не было. Я не могла плакать, казалось, если зареву, завою, что-то во мне окончательно сломается. А еще казалось, что на меня обрушился целый мир. Я не могла иметь детей, и в мире вервольфов это означало, что я потеряла ценность. Ни один вервольф не захочет на мне жениться, ни один альфа не примет меня в свою стаю.

Что я могу ему предложить?

Меня спасла пожилая темнокожая женщина, что выгуливала в парке свою собаку. Собачка подбежала ко мне и принялась облаивать. Я едва подавила желание оскалиться в ответ. Кучерявый зверек боялся меня, вот и защищал свою хозяйку. Правильно делал, потому что я сама была загнанным зверем. А вот женщина не разделяла его опасений.

— Владыка, что ты здесь делаешь?! — воскликнула она. — Да еще и в таком виде?

Женщина стащила с себя палантин и бесцеремонно по меркам моей расы набросила его на меня. Промозглая сырость поздней осени была последним, что волновало меня в тот момент, поэтому я села, сбросила мягкую шерсть и на этот раз зарычала, глядя ей в глаза.

— Не холодно? — переспросила она, словно читая мои мысли. — Но до беса грустно, так?

Я рыкнула в ответ, а она почему-то не испугалась, скомандовала своей собачке:

— Кекс, смирно. Она меня не тронет. Пойдем домой, — она протянула мне руку.

Я покачала головой и отвернулась. Оставь меня в покое, человек!

— Нет дома? — догадалась она. — У нас с Кексом тоже его долго не было. Но если захочешь, мы поможем тебе его найти.

Хотелось перекинуться и огорошить ее новостью: «Я не собака!» Эта женщина что, никогда не видела волков?

Но она была права: я слишком устала морально и физически, и как надоевшая собака оказалась на улице. Мне сейчас очень хотелось немного тепла, пусть даже от странной собачницы. Поэтому, когда она развернулась и пошла прочь из парка, я тоже спрыгнула с лавочки, подхватила палантин и направилась следом.

У нее оказался небольшой одноэтажный дом: две спальни, гостиная со старинной печкой и маленькая «не развернуться» кухня. Но это было гораздо лучше, чем улица. Я узнала, что ее зовут Зара Эммет, и что она ветеринар. И милейший человек из всех, что я знала.

Я провела у нее три дня, прежде чем набраться храбрости и сменить ипостась — я просто не могла и дальше врать женщине, что меня спасла. Не просто спасла, она все это время разговаривала со мной, обещала мне, что все будет хорошо. Да и провести остаток жизни в образе бессловесного зверя я тоже не могла. Каково же было мое удивление, когда она не прогнала меня прочь!

— Ну наконец-то, — улыбнулась она закутанной в покрывало мне. — Теперь можно и дом искать.

— Я не собака, — напомнила я, хотя с Кексом мы в последнее время хорошо подружились. И даже поиграли пару раз.

— Вот-вот, у тебя гораздо больше вариантов. Например, собака не может найти работу, а ты можешь.

Я нахмурилась.

— Работу? Волчицы не работают.

По крайней мере, ради денег. Только удовольствия для.

— А люди работают, принцесса, — рассмеялась Зара.

Она не прогнала меня, разместила в свободной спальне и выслушала всю мою историю. Главное не дала снова скатиться в депрессию.

— Раз тебя вервольфы прогнали, извлекай из этого выгоду, — посоветовала она. — Будь человеком.

Это сработало. Не знаю как и почему, но сработало. Сначала я помогала Заре в клинике, но потом она сама выпроводила меня в большое плавание. Второй моей работой стала должность консультанта в магазине одежды, а на третий раз мне повезло еще больше — меня нанял вторым секретарем сам Доминик Экрот.

Альфа Морийских лесов был настолько могущественным, а влияние его семьи настолько огромным, что ему еще тогда прочили место самого молодого старейшины и великую судьбу. Если другие вожаки могли не принять меня на работу, исключительно из опасений разозлить моего дядю или поссориться с моим бывшим супругом, то Экрот создавал свои правила.

Впрочем, я сама опасалась презрения Доминика и еще больше боялась его жалости, но, как оказалось, у меня было огромное преимущество перед другими кандидатками — я знала про мир вервольфов и правила стаи изнутри. Я сама была вервольфом, поэтому разбиралась во всех нюансах, а ему нужны были мои знания. Я три месяца провела на испытательном сроке, прежде чем Доминик обрадовал меня постоянным контрактом. Слишком постоянным. Он поставил мне условие: я должна принести ему клятву верности.

Подобную клятву приносили своему альфе все члены стаи. Клятвой это называли не просто так, она связывала вервольфа с вожаком на ментальном уровне. То, кто ее давал, не мог нанести вред альфе, его паре или детям, солгать, предать словом или делом. Если же такое происходило, клятва начинала выжигать сознание. Вервольф испытывал такую боль, что либо сходил с ума, либо погибал. По сути, он наказывал самого себя.

Но новой клятвы я боялась не поэтому.

Я не хотела снова стать бесправной, в чем честно ему призналась.

— Венера, клятва защищает не только альфу от измены. Она защищает каждого в моей стае. Только так я смогу защитить тебя. От любой угрозы извне.

— Вы поклянетесь, что не прогоните меня? Не станете ничего делать против моей воли? Учитывая, что уже две стаи отказались от меня, этот вопрос был для меня очень важным.

— Клятва альфы, — серьезно заявил тогда Доминик. — Но все нужно сделать по правилам.

Как сейчас помнила свои эмоции, когда выходила из его кабинета. Меню вся трясло: от нервов, что посмела диктовать Экроту условия, и от радости, что я снова буду в стае. В стае, которая останется моей навсегда.

Я в это верила. Я верила Доминику. Возможно, поэтому после Хелен поехала к ним с Чарли.

Только так я могла поговорить с альфой, устроившему себе отпуск в честь рождения сына. Сейчас счастливое семейство обитало в городском особняке, поближе к цивилизации и, на всякий случай, к доктору. Несмотря на то, что роды прошли хорошо, Доминик предпочел перестраховаться. Выносить сына альфы — непростая задача, особенно если ты человек. Я волчица, мне проще.

Наверное.

— Ви? — навстречу мне вышла Шарлин. Такая по-домашнему уютная в сером халате мужа, подол которого шлейфом волочился за ней. — Ты разве сегодня должна была приехать? У меня все дни в голове перепутались.

— Нет-нет, я не планировала. Есть вопрос к Доминику. Можно?

— Конечно, — кивает Чарли, и я иду за ней на кухню.

Как и дом, кухня Экротов большая и современная, с П-образным столом, с разнообразной встроенной техникой, серым камнем и прозрачной стеной с видом на море. Сейчас море не видно, в стекле отображается хаос: везде мука, какао и ошметки крема, а запах горелого смешивается с ароматом сваренного кофе. Посреди всего этого «великолепия» стоит Доминик в джинсах и замешивает тесто, а из колонок доносятся ястребиные крики. Причуда Экрота-младшего, который в настоящий момент сладенько спит в специальном кресле-качалке.

— Здравствуй, Венера.

— Добрый вечер, альфа.

— Присаживайся. Тот стул относительно чистый.

Мука действительно осела и на барных стульях, но я смахиваю ее и устраиваюсь.

— Что случилось?

— Этот волкопуп всю беременность не давал мне есть сладкое, — Чарли проверяет Анхеля, прежде чем сесть рядом со мной. — Я решила, что заслуживаю вишнево-шоколадного кекса.

— И ты попросила Доминика его приготовить.

— Хуже! Я решила, что справлюсь с бесовым кексом сама!

— Не справилась, — подтвердил альфа, в его светло-карих глазах заиграли смешинки, а я закусила губу, чтобы спрятать улыбку. Чарли и приготовление пищи были несовместимы. Верхом ее кулинарного мастерства были сэндвичи с сыром и листьями салата, а тут — целый кекс!

— Зато узнала, что в доме прекрасно работает пожарная сигнализация, — усмехнулась Чарли и, заслонившись ладонью от мужа, сообщила мне: — И теперь припахала старейшину всея Легории готовить мне десерт.

— Дорогая, ты же в курсе, что у меня волчий слух, — напомнил Доминик.

— А ты не отвлекайся, скоро ангелочек проснется и врубит собственную сигнализацию.

— Мой сын, — в словах альфы столько гордости и любви, что у меня комок в горле, — он умеет быть настойчивым.

— Куда уж настойчивее.

Я наблюдала за тем, как они подшучивают друг над другом, и получала незабываемое удовольствие. Доминик и Чарли были не просто истинной парой, они будто реально были половинками, родственными душами.

Словно почувствовав, что про него речь, Анхель завозился в кресле, а затем раздался боевой вой.

— Началось, — Чарли подняла глаза к потолку, а потом потопала к малышу и взяла его на руки. — Зайчик, чего орем?

— Только ты можешь называть будущего альфу зайчиком, — заметил ее муж.

— А вот не надо нам тут навязывать родительские ожидания. Вырастет, сам решит, кем станет! Альфой, как папа, или, писателем, как мама. Правда, Анхель?

— Или оперным певцом, — добавила я. — Судя по крику.

Счастливые родители уставились на меня, и когда я уже решила, что перегнула, одновременно расхохотались.

Я попыталась представить на месте Чарли и Доминика себя и Рамона, но у меня не получилось. Потому что я совершенно ничего не знала о верховном: ни что ему нравится, ни что он терпеть не может. Почему-то мне казалось, что для своего наследника он наймет десять нянек, которые круглосуточно будут о нем заботиться. Я в эту картинку никак не вписывалась, как Рамон не вписывался в эту простую бытовую сцену. Такую теплую, что от нежности защемило в груди.

Но когда Шарлин поднесла Анхеля к отцу, и малыш перестал плакать, с любопытством рассматривая, что же альфа делает, я поняла одну вещь. Доминик слишком любит своего волчонка, чтобы поддержать меня в решении утаить ребенка. Он расскажет все верховному. А если не расскажет, если все-таки примет мою сторону, проблемы могут быть уже у него. Как у моего альфы.

Я не могу их так подставить.

Поэтому, когда Доминик спросил:

— Ты просто в гости или по делу?

Я ответила:

— Я могу попросить отпуск?

Глава 4

У меня почти получилось. Я почти села в самолет. Почти, да.

— Она здесь, — сообщает кому-то сотрудница аэропорта, и я чувствую вервольфов, которые подходят сзади.

Первая мысль, что Доминик, мой альфа, узнал, что я убегаю, но эти мужчины мне не знакомы. К тому же, они не легорийцы, иностранцы — об этом говорит их внешность.

— Венера Экрот? — уточняет главный, высокий и бритоголовый волк.

— Если я скажу «нет», вы не станете меня задерживать? У меня скоро рейс.

— Я как раз здесь для того, чтобы вас задержать и доставить к моему боссу.

Я сжимаю ручку чемодана настолько сильно, что она трещит, но стараюсь держать лицо.

— А ваш босс...

— Верховный старейшина Рамон Перес.

Дыхание перехватывает, мне кажется, я ослышалась.

Мне хочется надеяться, что я ослышалась.

Но бритоголовый не шутит, его приятели тоже, а девушка за стойкой не станет звать охрану, если я закричу. У людей и вервольфов разные законы, люди не вмешиваются в наши, мы — в их.

— Пойдете сами или помочь? — спрашивает главный.

— Поможете с багажом? — улыбаюсь ему так мило, что сводит губы. Вервольф не теряется, кивает одному из своих подчиненных, и он забирает мой чемодан.

— Четыре мужчины на одну маленькую волчицу? Рамон решил, что я супергероиня?

Мне никто не отвечает. Мы быстро выходим из здания аэропорта. На улице дождь — нормальная погода для крайтонского межсезонья, но никто не заботится о зонтах. Большой черный автомобиль припаркован под козырьком, там, где в принципе парковаться нельзя, и эта вроде бы незначительная деталь только сильнее подчеркивает власть верховного.

Уже оказавшись внутри просторного салона, я открываю сумочку и достаю телефон, но устроившийся рядом бритологовый легко перехватывает мою руку.

— Что вы себе позволяете?! Я имею право на звонок своему альфе!

Пусть даже Доминик не обрадуется моему побегу, он лучше, чем Рамон Перес. Он защитит меня.

— Рамон приказал — никаких звонков. Сначала встреча с ним.

Я дергаю рукой, освобождаясь от его хватки, демонстративно возвращаю смартфон на место и отворачиваюсь к окну. Капли дождя напоминают слезы, они бесконечно медитативно скатываются по стеклу, но они не способны утихомирить растущее внутри меня напряжение. Тем более что дорога до центра Крайтона совсем не бесконечна.

Я почти не удивлена, что Рамон снова выбрал отель Кингстон — это лучший отель в столице и в стране. Почти — потому что этот отель вполне мог напоминать ему обо мне, а он обещал меня не вспоминать. Поэтому причина того, что меня сопровождает этот конвой всего одна — Рамон каким-то невероятным образом узнал правду. Причину, по которой я хотела навсегда улететь в Табатор.

Но как? Откуда?

Я не говорила об этом ни альфе, ни даже своей лучшей подруге, об этом знали только двое. Кто из них меня выдал? А главное — зачем?

Последний этаж. Королевский люкс.

И как удар в солнечное сплетение.

Потому что я прекрасно помню эти двери, уводящие в большую гостиную. Помню полумрак, как судорожно мы избавлялись от сковывающей наши тела одежды, как целовались, будто в последний раз...

Я смагиваю это видение. Потому что полумрака нет. Волшебства ночи тоже.

Зато есть сидящий на диване мужчина.

Серого света за окном не хватает, настенные бра отбрасывают перекрестья лучей, будто нарисованная клетка, поэтому его лицо находится в тени. Но при моем появлении он подается вперед, припечатывая меня своей звериной аурой. Напоминая мне о том, что я пыталась забыть или списать на разыгравшуюся фантазию.

Смуглую кожу с легкой щетиной, экзотичные черты, непробиваемую мужественность. А еще на аромат. Аромат, от которого кружится голова.

Нас разделяет метров десять, а ощущение такое, что я чувствую его дыхание на своей коже. Его взгляд как прикосновение. Властная ласка, и одновременно острота зубов. Потому что я замечаю, как при взгляде на меня в глубокой тьме глаз вспыхивает ярость.

Это мужчина моих грез. То есть ночных кошмаров.

Мой истинный.

— Оставьте нас.

Ему не нужно повышать голос, у вервольфов превосходный слух. Поэтому мои сопровождающие просто возвращаются к лифту. Я слышу это по шагам, слишком мягким для таких верзил. Слышу, потому что не оглядываюсь. Предпочитаю смотреть перед собой, на картину за его спиной. Что угодно, только бы не соскальзывать взглядом на мощные плечи, на лежащую на колене ладонь, выстукивающие ритмичную мелодию пальцы. Не говоря уже о том, чтобы встретиться глазами.

Мне важно не смотреть на него, иначе сорвусь.

— Подойди.

Меня корежит от этого голоса с бархатистыми нотами. От едва уловимого южного акцента. Этот бархат способен как погладить, так и стереть кожу в кровь с остервенением напильника. Голос тут ни при чем, а вот его обладатель очень даже при чем. Он способен сделать больно парой фраз.

— Предпочитаю остаться здесь, — я складываю руки на груди, и, кажется, запоминаю каждую линию на холсте Пимелли. Да, это точно Пимелли. Либо очень хорошая репродукция.

— Подойди, — повторяет он жестче, на этот раз сильнее раскрывая ауру зверя.

«Он знает!» — сиреной орет во мне страх. Страх за своего ребенка.

Меня с силой прижимает к полу, так что будь я в другой ипостаси, у меня бы просто подкосились лапы. Дыхание перехватывает, по коже течет холодок, заставляя встать все волоски. Картина, на которой я изо всех сил желаю сосредоточиться, расплывается перед глазами.

Это не приказ альфы, я могу не подчиняться. Я не должна ему подчиняться, но, видимо, на меня каким-то странным образом действует клятая истинность. Потому что я, сама того не желая, направляюсь к нему. Притягиваюсь к верховному, как магнитом.

Правда, пройдя несколько шагов, заставляю себя остановиться и сесть — рухнуть в кресло напротив него.

— Ближе.

— Этого достаточно для разговора.

Наши взгляды все-таки соединяются, хотя вернее будет сказать — скрешиваются в яростной битве. В одном лишь взгляде столько ярости и страсти, что я едва не задыхаюсь от раскручивающих меня в воронке урагана эмоций. Не знаю, чего мне хочется больше: наброситься на него и расцарапать лицо или же просто оказаться у него на коленях и впиться в невероятно красивый рот поцелуем.

Эти два желания настолько сильные, что просто раздирают меня на части. Какие-то считанные метры, а я уже теряю контроль. Если так действует истинность, то я уже ненавижу ее. А заодно ненавижу и его.

Только если я рассчитывала на то, что он не станет приближаться ко мне, то жестоко ошиблась: одно-единственное движение — волчий бросок, и Рамон рядом со мной. Нависает надо мной. Так близко, что сердце на долю мгновения замирает в груди.

— Зачем ты хотела покинуть страну, Венера?

Я моргаю, ничего не понимая.

— Что?

— Это слишком сложный вопрос?

Простой, но совершенно не тот вопрос, которого я ждала. Совсем не тот.

— М-м-м... Лечу в отпуск.

— Одна?

Он не знает? Предки, он не знает про ребенка!

Пока не знает. И даже не почувствовал! Слишком злой, чтобы понять. Слишком зациклен на этой злости. Я о таком слышала, даже альфы не сразу способны распознать беременность своей пары. Особенно если это первый ребенок. Он просто не почувствовал изменение в моем запахе, не прислушался к биению второго крошечного сердца. Плюс малыши умеют маскироваться в минуты опасности — так было у Чарли с Анхелем. А тут еще какая опасность — злой биологический папаша!

Секундное облегчение сменяется новой мыслью: я не должна подпускать его к себе. Настолько близко подпускать. Потому что если я себя выдам, если он узнает, все же догадается...

Надо его отвлечь. Запутать. Уйти отсюда. Чем быстрее я уйду, тем лучше!

— Я свободная волчица.

— Я в курсе.

Это даже не двойной смысл: Рамон говорит прямым текстом. Зло, презрительно, но мне больше не больно. Спорить с ним — значит, оправдываться, а я не буду оправдываться перед верховным. Ни перед кем не буду.

— А я в курсе твоего мнения обо мне. — Я обвожу рукой номер: — Так зачем все это? Ты. Я. Это место.

Зачем все это, если ты не знаешь о моей беременности?

— Мне нужно было кое в чем убедиться.

Интересно!

На этот раз вперед подаюсь я:

— Дай угадаю, не можешь меня забыть. Думаешь обо мне ночами. Фантазируешь...

— Ты играешь со зверем, Венера, — его рычание лучшая музыка для моих ушей.

— О нет, с твоим зверем я больше играть не буду. Спасибо, наигралась!

Я толкаю вервольфа в грудь, но он перехватывает мои запястья и разводит их в стороны, вжимая меня собой в мягкие диванные подушки. Дыхание сбивается от его близости, а ураган внутри, кажется, выходит на новый виток. От аромата истинного, мужского, мускусного, сносит голову. Я успеваю только сделать вдох, прежде чем мои губы оказываются в его плену.

Властным, жестким поцелуем он раскрывает мой рот, без прелюдий и разрешения вторгается в него языком, будто собирается меня им трахнуть. Я рычу и кусаю его за губу. Получи! Но этот мерзавец только довольно урчит, и это урчание, больше подходящее большому дикому коту, чем волку, окончательно срывает мои тормоза.

Я отвечаю на поцелуй так же яростно, неистово. Со стоном поддаюсь этому наваждению, как в первый раз. Отдаюсь желанию, раз за разом ломающему мои внутренние барьеры, которые я выстраивала с таким трудом. И я уже сама готова ему отдаться.

Но Рамон резко отстраняется и долго смотрит на меня, а я на него. Губы все еще горят от его поцелуев, тело ноет от желания, моя волчица внутри рычит.

— Все такая же свободная Венера, — он просто говорит, а мне словно пощечину дали, по обеим щекам, потому что лицо вспыхивает от стыда и ярости. — На сегодня достаточно проверок.

Так вот зачем ты здесь! Проверка? Он отпускает меня и поднимается. Я вижу, что Рамон тоже завелся от нашего поцелуя, но сейчас самостоятельно разрывает в клочья магию нашего притяжения.

— Ты ради этого прилетел? — мой голос звучит так, словно я жевала песок — хрипло, сдавленно. — Чтобы убедиться, что по-прежнему хочешь меня?

— Нет, — отрезает он. — Чтобы убедиться, что ты такая же как все.

Мне требуется вся моя выдержка, чтобы не перекинуться в волчицу и не наброситься на него. На этот раз исключительно с желанием вцепиться в горло.

Вместо этого я поднимаюсь, расправляю плечи и смотрю ему прямо в глаза.

— Нет, не такая, Рамон. Я другая. Я единственная. Я твоя истинная.

— Это настолько редкое явление, — он усмехается краем губ, — что даже звучит смешно.

— Тогда считайте вам повезло, верховный старейшина. Вы сорвали джекпот, и до конца жизни меня не забудете. В каждой женщине будете видеть исключительно меня.

Он снова перехватывает меня, будто какую-то куклу, но на этот раз я рычу и вырываюсь. За что вервольф встряхивает меня, хватая за подбородок и заставляет запрокинуть голову.

— Мечтай, — цедит он.

Мои губы по-прежнему горят, но в душе снова все черно. Находиться к нему так близко абсолютно невыносимо, поэтому я иду с собой на компромисс:

— Пусти, — прошу я. — Ты во всем убедился, так отпусти.

А он уже склоняется надо мной, по-звериному вдыхает запах возле моей шеи.

— Твой аромат. Он изменился.

Мое сердце падает в пятки. Я хочу сказать, что он ошибается, но не могу произнести ни слова. Страх и только страх неожиданно сковывает меня. А изумление в его взгляде уже сменяется догадкой.

— Ты носишь волчонка. Моего волчонка.

В его глазах вспыхивает нечто пострашнее ярости зверя.

— Ты хотела спрятать его от меня.

Он меня запер.

Он. Меня. Запер!

Закрыв в этом злосчастном номере и ушел, не забыв оставить охрану на входе. Я слышала, чувствовала их за дверью, через которую пришла. Вторые двери вели лишь на огибающий номер балкон. Летать я не умела ни в человеческом, ни в волчьем облики, поэтому просто постояла, рассматривая хмурые тучи Крайтона и пытаюсь выровнять дыхание.

Если честно, в первую минуту, я думала, Рамон просто свернет мне шею. Его взгляд пожелтел, по лицу и кистям потекла трансформация, почти превращая мужчину в зверя. Ногти вытянулись в когти, царапая кожу, когда я дернулась. Запах моей крови, кажется, окончательно привел его в бешенство, потому что верховный отодвинул меня от себя. Лишившись опоры, я снова оказалась сидящей на диване — у меня просто подкосились ноги.

— Не вздумай навредить себе и ребенку, — прорычал он, глядя мне в глаза.

Навредить? Это он о чем? А осознав, о чем, я задохнулась от злости.

— Да как тебе такое в голову пришло?!

— Рад, что мы друг друга поняли.

Рамон развернулся и направился к двери. То, что он действительно уходит, дошло до меня только когда пиликнула блокировка замка. Я рванула следом, успела услышать:

— Хавьер, отвечаешь за нее жизнью.

Потыкала в разблокировку, но она лишь замигала красным. Тогда я с силой заколотила по двери кулаками:

— Рамон! Ты не имеешь права! Верховный! У меня есть альфа!

У меня есть альфа, который ничего не знает.

Я метнулась к своей сумочке, достала телефон и набрала Доминика, но короткие гудки сообщили, что линия занята. Я набирала снова и снова, пока, наконец-то, не прорвалась.

— Доминик, это очень срочно. Я должна тебе кое-что рассказать...

— Думаю, я знаю, о чем речь. — В голос альфы вплелась жесткость. — Я только что разговаривал с верховным старейшиной Пересом.

Успел, койот! И здесь успел!

Я сдвинула телефон так, что еще немного и экран пошел бы трещинами. Потому что меня словно острием ножа кольнуло чувством вины. Потому что это я должна была все рассказать Доминику. Я! Не Рамон.

— Что он тебе сказал?

— Важно то, чего он не сказал. Мне нужна твоя версия. Венера, для того чтобы защитить тебя, мне нужна правда.

То ли у меня окончательно сдают нервы, то ли так действует властный голос альфы, но я всхлипываю:

— Я беременна. От него.

И выкладываю все, как на духу. Всю правду о той ночи и ее последствиях.

Доминик терпеливо меня выслушивает. Возможно, слишком терпеливо.

— Я скоро буду в Кингтоне. Все решу.

Все решу.

Как же мне хочется верить, что именно так и будет. Интуиция подсказывает, что в случае с Рамоном возможно все. Но может... Может, мы не с того начали, и я смогу убедить его отказаться от ребенка? Эта мысль дарит мне надежду.

Взгляд вернувшегося вервольфа говорит, что его невозможно в чем-то переубедить. Он будто в самое сердце и навылет. Глубокий. Испепеляющий.

Рамон подходит ко мне, застывшей возле окна и делающей вид, что меня не интересует ни его взгляд, ни он сам.

— Минут через десять-двадцать здесь будет Экрот, — говорит он то, что я и так знаю. — В твоих же интересах, чтобы все прошло быстро и без шума.

— Без шума?

— По закону этот ребенок принадлежит мне. Я в любом случае его заберу, ни Экрот, ни кто-либо другой не может мне помешать это сделать.

— Он еще не родился, — напоминаю я, инстинктивно прикрывая живот.

— Поэтому я заберу тебя.

— В качестве кого?

— Багажа, прилагающегося к моему наследнику.

Р-р-р! Даже бывший муж не вызывал во мне столько ненависти.

— Мой альфа этого не позволит.

— Попытается, — скучающим тоном замечает Рамон, и Волчий союз решит, что Легории нужен новый Совет старейшин.

По спине струится холодок. Я словно леденею изнутри после этих слов.

— Ты мне угрожаешь?

— Я тебя предупреждаю, Венера. Поедешь со мной по собственной воле, родишь волчонка, получишь хорошую компенсацию и можешь уехать, куда захочешь.

— Это мой ребенок!

— Продолжай в это верить. Мой сын или дочь здесь не останется: уедет со мной. Если для этого потребуется развязать войну с Легорией или убрать несколько слишком принципиальных вервольфов, я это сделаю.

Мне страшно от его обещания, а еще от того каким тоном они сказаны. Будто Рамон сообщает, что на завтрак будет круассаны и кофе. И что значит убрать? Убить? Или сместить? Нет, еще одного смещения Совета Легория не переживет, стаи и так разрознены после революции. Но верховному, кажется, все равно. Что мою судьбу топтать, что жизнь Доминика. Доминик не сдастся, уверена ему есть, чем ответить Союзу. Но во что это все выльется? В новую войну?

Мне страшно до подкатывающей к горлу тошноты, и я пробую вдохнуть. Вдохнуть и заставить себя думать.

— Послушай, зачем тебе ребенок? — спрашиваю, заглядывая ему в глаза. — У тебя, наверняка, уже есть дети. Или будут. От законной жены. Просто забудь обо мне.

Длинные красивые пальцы Рамона ложатся на мой подбородок, сжимают цепко. Меня накрывает его аурой, его силой, которую я не чувствовала даже рядом с альфами.

— Чтобы ты могла использовать его против меня? Нет. Ты едешь со мной.

Я задыхаюсь от этой силы. От силы и от осознания: я действительно поеду с ним. Добровольно или как багаж. Наверное, имея Рамон возможность вырезать из меня ребенка, сделал бы это! Но это невозможно. Я прилагаюсь к малышу.

Это мой козырь. Против Рамона.

А эта война — она не между Вилемией и Легорией. Она между мной и им.

Я свободная волчица, а значит, не должна прятаться. Я должна ему ответить и отстоять своего ребенка.

— Что если Доминик мне не поверит? — уточняю и ловлю подозрительный прищур верховного.

— Будь убедительной. Скажи, что я твой истинный.

Спасибо, Рамон. Ты только что сам вручил мне оружие против тебя.

Глава 5

Насчет багажа верховный не шутил. Разве что сопровождающие меня в аэропорту вилемийцы относились ко мне не как к чемодану, а как к особо ценному грузу. Если я что-то просила, будь то стакан воды или журнал, тут же приносили. Но со мной никто не разговаривал, ни на шаг от себя не отпускали, и не подпускали ко мне никого, окружив волчьей стеной. Впрочем, в этом не было необходимости: от нашей компании шарахались даже те три человека, что оказались в бизнес-зале.

Устроившись за одним из столиков в углу, поближе к стене-водопаду, я рассматривала то бесконечно текущую воду, то «парковку» самолетов за окном. Как я себя чувствовала? Злилась. Для разнообразия не на себя, а на Рамона. За то, что не позволил мне ни с кем пообщаться.

— Ты же все равно собиралась от них сбежать, к чему эти сантименты? — поинтересовался он, когда я захотела поговорить с Чарли. — Не трать мое время.

Да ты что!

— Когда у тебя появится ребенок, с ним придется проводить время. Уверен, что потянешь? Или скажешь Доминику, что передумал?

Я всем сердцем надеялась, что он оставит мне моего малыша, но темный взгляд верховного раз за разом перечеркивал мои надежды.

— Ничто не заставит меня передумать, Венера. Он мой.

На этот раз это был не огромный Ноктон, а аэропорт Дрекстона, и в Вилемию мы летели частным самолетом. В тот же день.

Я не знала, что Рамон забыл в Крайтоне, но сильно сомневалась, что прилетал он исключительно ради меня и проверки нашего притяжения. Впрочем, свои дела он решил быстро, как и мой переход в его власть. Связанная клятвой альфе я не могла солгать, поэтому не стала ничего выдумывать и изворачиваться:

— Рамон мой истинный, — сказала я Доминику, когда он приехал в Кингтон.

Судя по звериному блеску в глазах, собиравшийся воевать альфа перевел взгляд с меня на верховного и обратно. Мы же устроились на диване чуть ли не обнимку, как настоящая пара. Только это раздражает. Раздражает его аромат, это клятое притяжение, а там, где соприкасаются наши бедра, обжигает даже через ткань.

— Ты уверена в этом?

— В ту ночь я себя не контролировала. Его запах, его сила действовали на меня как афродизиак. Ни с одним мужчиной я ничего подобного не испытывала...

Ладонь Рамона, до этого небрежно лежащая на моей талии, сжалась так, что я побоялась за сохранность платья.

— Достаточно, — скомандовал этот любитель экономить время. — Она носит моего волчонка, поэтому я забираю ее.

— Как жену?

— Нет, как мать моего ребенка.

Теперь взгляд альфы врезался в верховного:

— То есть ты не собираешься жениться на Венере.

— Нет, Экрот. Супруги у меня нет и не будет. Это не отменяет того, что ребенка я признаю и забираю.

— Ребенок — твой, но Венера — член моей стаи. И моей семьи. Поэтому ей решать, где оставаться до рождения ребенка и после.

У меня зашипило в глазах, когда Доминик это сказал, а главное — как он это сказал! Мне стало дико стыдно за то, что я не раскрылась перед ним. А еще за то, что покидаю их теперь.

— Исключено, — отрезает Рамон. — Ребенок будет рядом со мной, а значит, Венера до его рождения тоже. Но я заплачу любую сумму, чтобы я мы могли поскорее улететь отсюда.

Доминик сводит брови и теперь смотрит мне в глаза:

— Что ты выберешь?

— Я полечу с ним.

— Ты уверена? Однажды ты уже попала в западню.

Лучше бы он не вспоминал про Августа. Потому что эта история так сильно похожа на ту, что мне самой тошно. Тогда меня тоже продали в жены для рождения наследника. Но теперь все иначе: у меня нет розовых очков, нет глупой влюбленности, зато будет малыш и есть чувство собственного достоинства. Я уже не наивная девочка и сама могу за себя постоять.

— Ты бы смог навредить Шарлин?

Этот личный разговор, но сильно сомневаюсь, что верховный согласится оставить меня с Домиником наедине.

— Нет.

— Значит, и Рамон не сможет. Природа защищает истинных.

— Я люблю Шарлин, а он тебя — нет.

Это правда. Чистая. Но, к бесам, он говорит так, будто я недостойна любви!

— Ты не сразу ее полюбил.

— Некоторые не способны любить.

Мне ли не знать. Но мне не нужна любовь мужчины, мне достаточно безусловной любви моего малыша.

— Я справлюсь, — убеждаю я Доминика, а заодно и себя: — У меня теперь есть ребенок.

Я долго работала с альфой, чтобы понять, что ему все равно не нравится эта ситуация и совершенно точно не нравится верховный старейшина.

— Мы составим договор. По нему у Венеры будет столько же прав на ребенка, сколько у тебя.

Злость верховного я уловила каким-то шестым чувством: внешне он остался спокойным, но его ярость прокатилась по комнате, опалила мою кожу, впиталась в меня, заставив внутренне сжаться. Доминик тоже это почувствовал, я видела, как он весь напрягся, как хищник перед броском. Я много раз наблюдала за битвами вервольфов, в том числе, битвами альф, но никогда не думала, что окажусь в самом эпицентре сражения. Между двумя самцами. Они давили своими аурами так, что я не могла и слова сказать.

— Зачем тебе это, Экрот?

— Я поклялся, что позабочусь о Венере, Перес.

— Заодно и о ребенке верховного старейшины. Интересный план, обреченный на провал.

— О чем ты? — прищуривается Доминик.

— Мы оба знаем, что я тебя разгадал. Но ты ошибся. Когда она легла под меня, она перестала быть твоей и стала моей. Я мог бы сразу увезти ее, имел полное право, но решил сделать все по правилам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.